

А.К. Матвеев

Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах русского Севера

Предисловие

Финно-угорские элементы севернорусских говоров неоднократно привлекали внимание русских и зарубежных исследователей. Я. Калима в итоговых для своего времени работах выявил несколько сот заимствований из прибалтийско-финских языков¹ и несколько десятков слов коми-зырянского происхождения². Саамизмы севернорусской лексики изучались Т.Итконеном³. Позднее прибалтийско-финскими и самскими элементами беломорских говоров занималась И.В.Сало⁴, обонежских – С.А. Мызников⁵. Наконец, А.А.Пантелеева описала ненецкие заимствования севернорусских говоров⁶, что позволяет говорить не о финно-угорских, а о финно-угро-самодийских (уральских) элементах в севернорусской лексике.

Однако, несмотря на довольно интенсивное изучение, лексика севернорусского наречия, заимствованная из финно-

¹ *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIIY. Helsinki, 1919.

² *Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XYIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

³ *Itkonen T.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. Helsinki, 1932. Bd. XXVII. S. 47–65.

⁴ *Сало И.В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

⁵ *Мызников С.А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1994.

⁶ *Пантелеева А.А.* Ненецкие заимствования в севернорусских говорах // Взаимодействие языков. Учен. зап. УрГУ им. А.М. Горького. № 80. Свердловск, 1969. С. 45–57.

угро-самодийских языков, исследована еще очень недостаточно и прежде всего потому, что соответствующий лексический материал зафиксирован весьма фрагментарно. Даже обобщающие работы Я.Калимы основаны на очень неполных источниках, главным образом на словаре В.Даля и небольших по объему диалектных словарях Г.Куликовского и А.Подвысоцкого, отражающих заимствованную лексику только частично как в отношении количества слов, так и их семантики и распространения. Между тем полевые сборы Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета (СТЭ) свидетельствуют о том, что в говорах русского Севера (РС) бытует очень большое количество финно-угро-самодийских заимствований, намного превышающее данные, приведенные в словарях В.Даля, Г.Куликовского, А.Подвысоцкого. Обилие финно-угро-самодийской по происхождению лексики в этих говорах обусловлено прежде всего тем, что кроме широко распространенных заимствований типа **лахта** ‘залив’, **мянда** ‘болотная сосна’ здесь фиксируется множество узко локальных слов, часто являющихся заимствованиями и субстратными включениями⁷ из вымерших языков (**волгас** ‘береговой луг’, **койдома** ‘лесной покос’, **чарокса** ‘топкое болото’ и т.п.). Дорусское население РС, представляя собой весьма пестрый этнический конгломерат, создавало “мозаичный” лингвистический ландшафт, что и приводило при обрусении древней чуди к проникновению в русские говоры множества разнообразных заимствований. Нередко одни и те же или очень близкие реалии в разных местах на РС обозначаются различными словами. Специфические заимствования можно обнаружить чуть ли не в каждом более или менее изолированном кусте русских деревень, возникавших очень часто на месте старых чудских поселений.

⁷ Различие между субстратными включениями и узко локальными заимствованиями может состоять только в характере проникновения иноязычного слова в русский язык при его единообразном освоении. Поэтому их дифференциация в дальнейшем не производится, если только для этого нет каких-либо особых оснований.

Несомненно, именно эти заимствования представляют особый историко-лингвистический интерес, так как наряду с субстратной топонимией они являются единственным источником изучения вымерших языков РС, нередко очень своеобразных по своему лексическому составу. Надо прямо сказать, что упомянутые выше исследования Я.Калимы воспроизводят весьма неточную картину безраздельного господства в диалектной лексике РС прибалтийско-финских и в какой-то мере коми-зырянских компонентов и что сам Я.Калима оставил без внимания или не сумел интерпретировать целый ряд заимствованных слов, приведенных в использованных им словарях (*поча* ‘старица’, *чинговатик* ‘дерево, которое трудно колоть’ и др.). В настоящее время таких слов известно очень много, и они свидетельствуют о важности учета при этимологизации саамских и волжско-финских данных и о возможности значительных фонетических отличий в случаях соответствий с прибалтийско-финским материалом (*вагмас* ‘заболоченный лес с буреломом’ ~ фин. *vehmasto* ‘очень густой лиственный лес или кустарник’). Установление реального соотношения различных финно-угорских и самодийских по происхождению компонентов в севернорусской диалектной лексике является сейчас одной из самых актуальных задач исследований в области русско-финно-угро-самодийского языкового взаимодействия.

Историко-лингвистическая ценность финно-угро-самодийского слоя севернорусской диалектной лексики настолько значительна, что ощущается необходимость его быстрее лексикографического и этимологического описания. Это позволит ввести в лингвистическую науку множество новых данных, представляющих большой интерес как для общего языкознания (взаимодействие языков, проблемы заимствования и субстрата), так и в особенности для решения вопросов русско-финно-угорского и русско-самодийского лексического взаимодействия. Место, занимаемое различными пластами финно-угро-самодийской лексики в говорах РС, ее генетические связи с конкретными живыми и мертвыми

языками, восстановление в пределах возможного характеристик вымерших языков, заимствования как источник сведений по истории русского языка и финно-угро-самодийских языков, проблема использования апеллятивных заимствований при изучении топонимии – таков далеко не полный круг вопросов, решению которых должны способствовать составление словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах РС и последующая интерпретация словарного материала.

Однако в настоящее время для составления более или менее полного словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах РС еще нет условий: по-разному определяются границы этого региона, далеко не закончен сбор материала, впереди огромный труд по лексикографической обработке и публикации вновь собранного, только незначительная часть которого увидела свет, причем уже изданное несопоставимо по величине словника⁸. Лексикографическая обработка финно-угро-самодийской лексики также оставляет желать лучшего, в частности, нет этимологических словарей многих финно-угро-самодийских языков. Да и само по себе составление столь значительного труда, как “полный” словарь финно-угро-самодийских заимствований в говорах РС – весьма трудная задача, требующая как накопления обширных материалов разного рода, так и серьезной теоретико-методической разработки. Одним из этапов такой подготовительной работы и представляется составление “Материалов для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах русского Севера” (МДС), собранных СТЭ. Введение в научный оборот многочисленных новых фактов, а также лексикографический и методический опыт, накапливаемый при этой работе, делают ее своевременной и целесо-

⁸ Ср.: Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г.Гецовой. Вып. 1–9. М., 1980–1996; Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г.Паникаровской. Вып. 1–7. Вологда, 1983–1993; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Герд. Вып. 1–2. СПб., 1994–1995; Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

образной. Полезно вспомнить и общественную значимость труда, посвященного контактам финно-угорских и самодийских языков с русским языком, памятуя о многонациональности нашего общего отечества – России.

Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований, собранных СТЭ, имеют в каждой словарной статье диалектную (толковую) и этимологическую части. Соответствующий диалектный материал будет представлен и в составляемом кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского университета “Словаре говоров русского Севера”, картотека словарных статей которого в значительной мере явилась основой для диалектных разделов МДС, в которых, однако, опускается иллюстративный материал. Существенное различие между материалами и словарем состоит в том, что в МДС используется комбинация гнездового и алфавитного способов расположения слов: фонетические варианты и производные приводятся по алфавиту после главного слова. Выбор именно такого порядка расположения слов связан с важностью фиксации и изучения финно-угорских и самодийских заимствований как для русского, так и для финно-угро-самодийского (уральского) языкознания. Необходимостью учета всех имеющихся данных при этимологизации и анализе адаптационных процессов, стремлением избежать ненужных отсылок, а также удобством при использовании материалов в качестве справочника при исследовании субстратной топонимии РС.

Регион, охватываемый МДС, включает Архангельскую область без Ненецкого автономного округа и Вологодскую область, т.е. территорию, в настоящее время заселенную только русскими⁹ и практически полностью обследованную СТЭ. Иногда к РС относят Мурманскую область и Припечорье. Эти территории не обследовались экспедицией как из-за их изолированности, так и вследствие этнической неодно-

⁹ Исключая некоторые участки крайнего северо-запада Вологодской области, где и сейчас живет вепское население (в Бабаевском и Вытегорском районах).

родности населения. По последней причине не включается и Карелия. По ряду обстоятельств исключена и Костромская область (проблематичность отнесения ее территории к РС, специфичность местных русских говоров и др.). Лексика “запредельных” говоров (кольских, карельских, костромских, печорских, уральских, сибирских и т.д.) используется только при необходимости в этимологических разработках.

Источником МДС является картотека Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета. Направленный сбор заимствований в течение десятилетий обусловил полноту этой картотеки. Следствием направленного сбора стала не только фиксация в картотеке СТЭ большого количества заимствований, но и достоверность их фонетического облика и достаточно высокая точность географической привязки.

Все это позволяет надеяться, что МДС в будущем могут стать существенным вкладом в “полный” словарь финно-угро-самодийских заимствований в севернорусских говорах, с более широкими территориальными и хронологическими рамками, а главное с использованием всех возможных источников.

Состав и структура МДС

В МДС включаются диалектные заимствования, засвидетельствованные СТЭ. Данные других диалектных словарей используются при необходимости в этимологической части. Литературные, в том числе устаревшие, разговорные и просторечные слова в МДС не учитываются. Профессиональная терминологическая лексика включается, если она является диалектной. Ономастическая (в том числе топонимическая) лексика в МДС не учитывается, даже если она расширяет былой ареал того или иного апеллятива: введение этого диахронического момента, в принципе чрезвычайно важного и полезного, все же нецелесообразно при синхронной фиксации апеллятивной лексики. Однако ономастические данные могут быть использованы в этимологической рубрике. Очень

редкие фразеологизмы даются за знаком ◊ в статье на соответствующий апеллятив.

Типовая структура словарной статьи: заглавное слово, выделенное типографским способом, указание на область (области), где распространена лексема и ее варианты, которое дается в круглых скобках (Арх, Влг), перечень районов фиксации, грамматические, стилистические и семантические пометы (даются лишь в самых необходимых случаях как средство уточнения толкования значения слова и его грамматического положения в сокращениях, принятых в МДС), толкование значения, фонетические варианты с указанием географии, производные слова со значением и географией, этимологическая справка, характер которой зависит от специфики слова. При этом фонетические варианты, имеющие то же значение, что и заглавное слово, даются сразу вслед за толкованием значения через две косые черты (/). Словообразовательные производные приводятся в алфавитном порядке с красной строки, причем приставочные образования следуют за бесприставочными также в алфавитном порядке, но в конце гнезда. Прилагательные, образованные от существительных, при точной корреляции значений могут толковаться отсылочным способом (Прил. к ...).

При толковании значения слова не используются диалектизмы. Исключение делается лишь для некоторых специальных терминов (охоты, рыболовства и т.д.), если соответствующий лексический материал содержится в словаре. В этих случаях после выделенного диалектного слова в толковании ставится помета (см.). Если диалектное слово в толковании стоит в косвенном падеже, то в скобках после пометы оно приводится в именительном падеже (см. **ШоГРА**).

Значения даются в статье под номерами (1, 2 и т.д.) в соответствии с логикой развития значения (насколько ее удастся выявить). При названиях животных и растений приводится научное (русское) обозначение (если его удалось точно установить). Географические пометы приводятся в статье ко все значениям в соответствии с принятыми сокращениями.

В формулу географической привязки входит указание на район в сокращенном виде (Леш, Мез, Нянд и т.д.), при ограниченной и точной локализации на куст деревень или отдельную деревню (полностью), например: Вин, Топса. Названия районов даются в списке сокращений. Все географические пометы приводятся по алфавиту (отдельно по Архангельской и Вологодской областям).

Этимологическая справка дается одновременно ко всей группе слов, объединяемых заглавным словом. Если источник происхождения ввиду близости исходных форм (например, карел. *mändü*, ливв. *mändö*, люд. *mänd* для рус. **мянда**) точно установить трудно, то в справке приводятся все этимологические соответствия. Если источники проблематичны и возможен ряд решений, приводятся все этимологии.

Закономерные для севернорусских говоров фонетические диалектизмы в МДС не учитываются, лексикализованные же фонетические варианты (**СоГРА**, **СуГРА**) даются в одной словарной статье независимо от того, отражают ли они исходное состояние или варьируются на русской почве, за исключением тех ситуаций, когда эти варианты четко различаются по установленным этимонам и разрабатываются в разных словарных статьях (**СеЛЬГА**, **ШалГА**). В этом случае после этимологической справки дается отсылка ср. (**ШалГА**... Ср. **СеЛЬГА**). Слова, имеющие колебания в исходе (**ШуГ**, **ШУГа**, **ШуХ**, **ШУХа**), также подаются в одной словарной статье, если только они не восходят к разным этимонам. Учитывая возможную лингвогеографическую коррелятивность таких слов, на них в случае необходимости составляются сводные карты.

В качестве заглавного слова выступает этимологически наиболее близкий к языку-источнику или (при спорности этимологии) наиболее распространенный вариант. Отсылочные статьи на словообразовательные производные и фонетические варианты, восходящие к одному этимону, не даются. В целях облегчения пользования словарем все диалектизмы, приводимые в словарных статьях, включены в алфавитный регистр, в котором указываются соответствующие страницы

МДС.

Этимологическая справка приводится в конце статьи с абзаца за знаками <, < ?, < ?? или другими обозначениями (См., Ср. и т.д.), при этом первое слово пишется с заглавной буквы.

При обработке материала из словника были исключены слова, этимология которых не установлена и которые по фонетическим и ареальным признакам невозможно с уверенностью считать заимствованиями, т.е. в МДС учтены те апеллятивы, которые точно или предположительно этимологизируются из финно-угро-самодийских языков. Слова, которые по фонетическим и ареальным признакам могут восходить к апеллятивной лексике вымерших финно-угро-самодийских (уральских) языков РС, но этимологически не разработаны, также включены в текст словаря.

Параллельные заимствования в другие языки (ненец. > коми, карел. > коми и т.п.) без особых причин в этимологическом разделе не рассматриваются.

Если дается общее указание на источник (< Приб.-фин.), то после пометы (ср.) приводятся данные из конкретных языков.

Транскрипция источников в этимологической части сохраняется, однако дефиниции иноязычных словарей переводятся на русский.

В показательных случаях слово картографируется (карты прилагаются к словарю). Для показа фонетических вариантов и в других необходимых случаях используются сводные карты.

Все слова, анализируемые в словарной статье (в том числе фонетические варианты и производные), в тексте выделены.

Сокращения

1. Административные районы Архангельской области
Вель – Вельский

В-Т – Верхне-Тоемский
 Вил – Вилегодский
 Вин – Виноградовский
 Карг – Каргопольский
 Кон – Коношский
 Котл – Котласский
 К-Б – Красноборский
 Лен – Ленский
 Леш – Лешуконский
 Мез – Мезенский
 Нянд – Няндомский
 Он – Онежский
 Пин – Пинежский
 Плес – Плесецкий
 Прим – Приморский
 Уст – Устьянский
 Холм – Холмогорский
 Шенк – Шенкурский

2. Административные районы Вологодской области

Баб – Бабаевский
 Бабуш – Бабушкинский
 Бел – Белозерский
 Ваш – Вашкинский
 В-Уст – Великоустюгский
 В-Важ – Верховажский
 Вож – Вожегодский
 Волог – Вологодский
 Выт – Вытегорский
 Гряз – Грязовецкий
 Кад – Кадуйский
 Кир – Кирилловский
 К-Г – Кичменгско-Городецкий
 М-Реч – Междуреченский
 Ник – Никольский
 Нюкс – Нюксенский
 Сок – Сокольский

Сямж – Сямженский
Тарн – Тарногский
Тот – Тотемский
У-Куб – Усть-Кубинский
Устюж – Устюженский
Хар – Харовский
Чаг – Чагодощенский
Череп – Череповецкий
Шексн – Шекснинский

3. Языки и диалекты

венг. – венгерский
вепс. – вепсский
вод. – водский
др-рус. – древнерусский
и-е. – индоевропейский
карел. – карельский
 карел-ливв. – карельско-ливвиковский
к-зыр. – коми-зырянский
к-перм. – коми-пермяцкий
лтш. – латышский
лив. – ливский
ливв. – ливвиковский
лит. – литовский
люд. – людиковский
манс. – мансийский
мар. – марийский
 марВ. – восточномарийский
 марГ. – горномарийский
 марЛ. – луговомарийский
мер. – мерянский
мокш. – мокша-мордовский
морд. – мордовский
ненец. – ненецкий
перм. – пермский
приб-фин. – прибалтийско-финский
рус. – русский

саам. – саамский
 колт. – колтовский
 кольск. – кольский
 норв. – норвежский
 сонг. – сонгельский
 швед. – шведский
 сев-финск. – севернофинский
 сканд. – скандинавский
 селькуп. – селькупский
 удм. – удмуртский
 фин. – финский (суоми)
 финск. – финский (финские)
 ф-у. – финно-угорский
 хант. – хантыйский
 эрз. – эрзя-мордовский
 эст. – эстонский
 юкагир. – юкагирский

Уточняющие пометы: вост. – восточный, зап. – западный, сев. – северный, сред. – средний, юж. – южный.

4. Словари и источники

Азарх – *Азарх Ю.С.* О глаголах типа **улайдать** – **улан-дать** в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.

Востриков – *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 3–45.

Дубровина–Герд – *Дубровина З.М., Герд А.С.* Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // *СФУ* 1979. № 4. С. 243–247.

Зайцева–Муллонен СВЯ – *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.

КПРС *Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С.*

Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КРС – Коми-русский словарь. М., 1961.

Куликовский – *Куликовский Г* Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Лыткин–Гуляев Доп.-КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Приложение. Сыктывкар, 1975. С. 3–45.

Лыткин–Гуляев КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Лыткин ФСВГ – *Лыткин В.И.* Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 128–201.

Макаров СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н.Макаров. Петрозаводск, 1990.

Матвеев ЗПЯ – *Матвеев А.К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Acad. Sci. Hung. Budapest, 1964. Т. XIV, f. 3–4. S. 285–315.

Матвеев ФУЗ – *Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959.

МокшРС – Мокшанско-русский словарь / Сост. С.Г.Потапкин, А.К.Имяреков. М., 1949.

МРС – Марийско-русский словарь. М., 1956.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1852.

Погодин ССЗФЯ – *Погодин А.Л.* Севернорусские заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. Варшава, 1904. IV. С. 1–72.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

РНС – Русско-ненецкий словарь / Сост. А.П.Пырерка, Н.М.Терещенко. М., 1948.

Сало – *Сало И.В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–... Т. 1–... (изд. продолжается).

СРС – Саамско-русский словарь. М., 1985.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Терещенко МИЯН – *Терещенко Н.М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956.

Терещенко НРС – Ненецко-русский словарь / Сост. Н.М.Терещенко. М., 1965.

Терещенко ОГНЯ – *Терещенко Н.М.* Очерк грамматики ненецкого языка. Л., 1947.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

ФРС – Финско-русский словарь / Сост. И.Вахрос, А.Щербаков. М., 1975.

Цыганкин–Мосин ЭКНЭС – *Цыганкин Д.В., Мосин М.В.* Эрзянь келень нурькине этимологической словарь. Саранск, 1977.

Шёгрен А.М. – *Шёгрен А.М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1852. 1–2. С. 145–165.

ЭрзРС – Эрзянско-русский словарь. М., 1993.

Castrén WSS – *Castrén M.A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855.

Fokos-Fuchs SW – *Fokos-Fuchs D.* Syrjänisches Wörterbuch. Budapest, 1959. Bd. I–II.

Itkonen KKLS – *Itkonen T.I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958. T. I–II. (LSFU, XV).

Itkonen LLR – *Itkonen T.I.* Lappische Lehnwörter im Russischen. Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. Ser. B. Helsinki, 1931. Bd. XXVII. S. 47–65.

Kalima – *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (MSFOu, XLIV).

Kalima SLR – *Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen. FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

Lagercrantz – *Lagercrantz E.* Lappischer Wortschatz. Helsinki, 1939. T. I–II. (LSFU, VI).

Lehtisalo – *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU, XIII).

Rédei JSLS – *Rédei (Radanovics) K.* Juraksamojedische Lehnwörter in den syrjänischen Sprache // *Acta Linguistica Acad. Sci. Hung.* Budapest, 1963. T. XIII. f. 3–4. S. 275–310.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981. T. I–VII. (LSFU, XII).

Steinitz OLR – *Steinitz W.* Ostjakische Lehnwörter im Russischen // *Zeitschrift für Slawistik.* Berlin, 1960. Band V, Heft 4. S. 483–519.

Steinitz ZSLOU – *Steinitz W.* Zu den samojedischen Lehnwörtern im Ob-Ugrischen // *Ural-Altaische Jahrbücher.* Wiesbaden, 1959. Band XXXI. S. 426–453.

Wichmann–Uotila – *Wichmann Y.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Bearb. von T.E.Uotila. Helsinki, 1942. (LSFU, VII).

Wiedemann SDW – *Wiedemann F.I.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. SPb., 1880.

Пробные статьи

аДАТЬ (*Арх*), *Вил*, *Комл*. Есть быстро и с жадностью // **АДаТЬ**, *Уст*. **САДаТЬ**, **СОДаТЬ**, *Уст*. Съесть.

< Коми, ср. к-перм. **адавны**, **адалны** ‘жрать’, ‘сожрать’ (КПРС, 16), к-зыр. **аджны**, **аджалны**, **адгыны** ‘жрать’, ‘сожрать’, ‘трескать’, ‘стрескать’ (ССКЗД, 9). Глагол **adžny** со значениями ‘много или жадно есть’, ‘жрать’ отмечен также в других коми словарях (Wiedemann SDW, 1; Wichmann – Uotila SW, 2; Fokos-Fuchs SW, 36; КРС, 20). География (три смежных района на юго-востоке Архангельской обл.) явно подтверждает этимологию из коми языка. Однако остаются сложности. Во-первых, коми слово не имеет удачного творительной этимологии: сравнение с фин. **ahmia** ‘жадно проглатывать’ (SKES, 6), ср. еще карел. **ahmie** ‘жадно есть’ (Макаров СКЯ, 16), SKES справедливо сопровождает знаком ?. С оговоркой цитируют это сопоставление и авторы КЭСК (Тыгкин – Гуляев Доп. – КЭСК, 6). Во-вторых, русские слова больше соответствуют географически более удаленным коми-пермяцким данным, а это требует объяснения. Наконец, в-третьих, необходимо интерпретировать соответствие д – дж в глаголе языка-источника. Видимо, все-таки этот глагол проник в русские говоры из какого-то вымершего диалекта коми языка, может быть, например, наречия исторической Лузской Пермцы.

АЙБаРЧа (*Арх*), *Мез*. Кушанье из оленьей крови с мелко нарезанными кусочками мяса; свежая оленья кровь, которую пьют оленеводы.

< Ненец. **ңайбарць**, **ңаябарць** ‘есть мясо или рыбу в сыром виде’ (Терещенко НРС, 375, 391), **ajjeväert’s**, **ajjebäert’s** ‘есть сырую пищу’ (Lehtisalo, 15).

Отсутствие согласного зачина в русских словах объясняется фонетической особенностью крайнезападных говоров тундрового наречия ненецкого языка – утратой инициально-

го заднеязычного сонанта **ц**. Здесь же вместо мягкого **ц** может употребляться **ч** (Терещенко МИЯН, 187–190), что и обуславливает появление этого звука в русских словах.

В русских говорах засвидетельствовано существительное женского рода с окончанием **-а**, в ненецком источнике представлен глагол, соответствующее существительное не зафиксировано.

Коми ижемские **айбарч** ‘сырая оленина, рыба (как особое блюдо)’, **айбарчасны** ‘есть оленину, рыбу в сыром виде’ (ССКЗД, 10), также заимствованные из ненецкого языка, семантически ближе к языку-источнику, чем рус. **айбарча**. Не исключена вместе с тем связь русского слова и коми **айбарч**, хотя о направлении заимствования, если таковое имело место, судить трудно. Скорее, все же, ненец. > коми > рус.

айМИШТАТЬСЯ (*Арх, Влг*), *Выт.* Испугаться // **аМИШТАТЬСЯ**, *Карг; Выт.* **аМИШТОВАТЬСЯ**, *Выт.*

аМИШТАТЬ, *Выт.* Пугаться, испытывать страх.

< Приб.-фин. (вепс?), ср. фин. **äimistyä** 1. ‘удивляться, удивиться; ошолбенеть; смущаться, смутиться’, 2. ‘(рас)сердиться; озлобляться, озлобиться; выходить / выйти из себя’ (ФРС, 787). Распространение в пользу вепсского происхождения. Подробнее см. Kalima, 77 (также Фасмер 1, 65), который анализирует вытегорское **аймиштать** ‘спать, не закрывая рта, судорожно вздрагивать от сильного и долгого плача, глотать слезы, подавиться’ (Куликовский, 1), **зааймиштаться** ‘замешкаться’ (Куликовский, 1, 24), сопоставляя с фин. **äimistää** ‘содрогаться, корчиться от боли’, а также с фин. **äimistyä** (см. выше). Калима не без оснований указывает, что **š** после **i** в языке-источнике свидетельствует о вепсском происхождении русского слова. Трудность в том, что пока нет сведений о соответствующих вепсских и карельских лексемах.

АЛаПЕРА (*Арх*) 1. *Мез, Прим.* Сетчатая белая плёнка поверх кожи белухи // **АЛаБЕРА**, *Мез.*

2. *Прим.* Пленка, налет на рыбе, шкуре животного.

3. Прим. Перен. Бессмысленная, ненужная затея.

< Саам., ср. Йоканьга **алай**, норв. **âlâ** 'верхний' (Itkonen KKLS, 315–317) и Йоканьга **pielle**, норв. **bælle** 'половина; сторона' (Itkonen KKLS, 366–368), т.е. в основе заимствования саамская форма типа **алай-pielle** или **âlâ-bælle** 'верхняя сторона', которая имеет точное фонетическое, словообразовательное и семантическое соответствие в фин. **yläpuoli** 'верхняя сторона' (ФРС, 783). На русской почве первичное *алапела > алапера, т.е. в слове произошла диссимилиация одинаковых плавных (в данном случае боковых), ср. др-рус. **вельблоудь** и рус. **верблюды**.

В прошлом морской зверобойный промысел имел в хозяйстве берегового саамского населения большое значение (см.: Лукьянченко Т.В.. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX вв. М., 1971. С. 49–53). Этим и объясняется саамское происхождение данного термина.

Появление звука **б** в **алабера** связано с саам. норв. **bælle** или вполне возможным в сонорном окружении озвончением **п** > **б** на русской почве.

Алаш (Арх), Он. Металлический лист, на котором разводят огонь во время охоты на тюленей.

< Приб.-фин., ср. фин. **alus**, карел. **alauš**, **alušta** 'подставка' (Kalima, 77–78, но не без сомнения). Ср. еще фин., ливв. **alus**, люд. **алуз**, вепс. **alus**, **алуз** 'подставка', 'подкладка' (SKES, 15). Калима, учитывая характер сибиланта (**ш**), предполагает карельское происхождение слова (Kalima, 78). Сложность представляет гласный конечного слога, но он объясним, если этимом явилось карельское слово типа **alauš**. Кроме того, надо учитывать и возможность ассимиляции подударному гласному на русской почве.

География в пользу карельского происхождения.

АллеЙКА (Арх) 1. Прим. Утка морянка // **АКЛеЙ**, В-Т. **АЛеЙКА**, уменьш. **АЛеЕЧКА**, Прим. **АРЛеЙКА**, Прим.

2. (АРЛЕЙКА), *Прим. Перен.* Человек с громким, хриплым голосом.

< Приб.-фин., ср. карел. **alli**, ливв., люд. **al'ŕi**, фин. **alli** 'утка *fuligula glacialis*' (Kalima, 78). В современных источниках: фин. **alli** 'утка морянка (*Clangula*)' (ФРС, 32), 'морянка (*Clangula hiemalis*)' (В.К.Рябицев. Птицы тундры. Свердловск, 1986 С. 48).

Уже Калима (там же) указывал на связь саам. кольск. **allokaj** *уменьш.* 'полярная утка' с фин. **alli**. Итконен, ссылаясь на Калиму, допускает возможность как прибалтийско-финского, так и саамского происхождения для русского **алейка**, **аллейка** (*Harelda hiemalis*) (Itkonen LLR, 62).

Засвидетельствованные СТЭ в Приморском районе формы **алейка**, **алеечка**, **аллейка** и явно вторичное **арлейка** (лл > рл), все же, предпочтительнее как по фонетическим, так и по географическим причинам, относить к прибалтийско-финским заимствованиям. Другое дело, что это звукоподражательное слово распространено в различных финно-угорских языках (коми, манс., хант.) и имеет разные диалектные реализации в русском языке (**аулык**, **ауляк**) (SKES, 16). Особенно важны коми ижемское **авлык**, удорское **аклы** и **аллык** (ССКЗД, 9), хорошо увязываемые как с прибалтийско-финскими, так и с саамскими данными. Отсюда возможность различных скрещений и взаимовлияний, особенно в русском языке. Верхнетоемское **аклей** скорее всего возникло на почве комбинаторного изменения с последующим обратным словообразованием (**аллейка** > **аклейка** > **аклей**) или должно рассматриваться как прямое заимствование из какого-то древнепермского диалекта (ср. удорское **аклы**).

Есть хорошее объяснение происхождения этого звукоподражательного слова – по громкому крику морянки-самца “**аулы**” (В.К.Рябицев. Там же. С. 48–49). Подробности см. также в Лыткин-Гуляев КЭСК, 29–30.

амДёр (*Арх*), *Мез.* Свернутая оленья шкура – сиденье в нартах // **АМДюр**, **АМДюра**, *Мез.*

< Ненец. **намдёр'** 'шкура для сидения на нарте' (Терещенко НРС, 379).

Об утрате начального **н** см. **АЙБаРЧа**. Ср. также ненецкие диалектные формы **amt'or'**, **amd'or'** 'шкура для сидения на нарте' (Lehtisalo, 18).

аРДЫ (*Арх*), *Нянд*, *Плес*. Приспособление для просушивания рыболовных сетей.

< Приб-фин., ср. ливв. **ardo**, люд. **ard** 'шест для сушки невода', вепс. **ard** 'длинная жердь, на которой сушат белье под открытым небом' (Kalima, 79–80). По Фасмеру (I, 85), из карел. **ardo** 'вешалка, на которой сушат невод' Ср. еще карел. **ardo** 'жердь (для сушки сетей, белья); вешала' (Макаров СКА, 21). По SKES (3) из карело-вепсских источников, однако география заимствования скорее подтверждает его карельское происхождение. Другие соответствия и дальнейшую этимологию см. в SKES (3).

аРЕШНИК (*Арх*). 1. *Леш*, *Мез*, *Он*, *Пин*, *Прим*, *С-Дв*, *Холм*. Крупный песок, галька; вид почвы – песок с мелкими камешками // **АРеШНИК**, *Мез*. **аРОШНИК**, *Прим*. **яРЕЧНИК**, *Пин*. **яРЕШНИК**, *Леш*, *Холм*. **яРОСТНИК**, *Холм*. **яРОШНИК**, *Леш*, *Пин*, *Прим*, *Холм*. **яРЫШНИК**, *Леш*, *Холм*. **ЯРЫШНИК**, *Холм*.

2. *Леш*, *Мез*, *Прим*, *Холм*. Место на берегу или на дне реки, озера, покрытое галькой; каменистая отмель в реке // **яРОШНИК**, *Леш*, *Пин*. **яРЫШНИК**, *Леш*.

3. *Прим*. Шуга, мелкий лед на реке.

яРЕШНЫЙ, *Леш*. Покрытый галькой.

< Саам. Кильдин **arešm** 'мелкий камень, гравий' (Itkonen LLR, 49). См. также Фасмер I, 86. Саамское слово этимологически не разработано, но ср. южно-саам. **âreGe**, **âreske** 'каменная галька' (Lagercrantz, 239, Itkonen KKLS, 16). На русскую форму могли повлиять диалектные слова типа **орешник** 'галька', 'крупная галька, мелкий булыжник' (СРНГ 23, 338–339). География подтверждает саамское происхо-

ждение слова. Однако для форм с начальным **я-** (**ярошник**, **ярышник** и т.п.) можно допустить и воздействие со стороны ненецкого **яра** 'песчаный' (Терещенко НРС, 850).

АРЬЮШ (*Арх*). 1. *Леш, Мез*. Обоз из оленьих упряжек // **АРЬЮЖ**, *Леш, Мез*. **АРЮШ**, *Леш*.

2. *Леш*. Стадо оленей.

3. *Леш*. Скопление, большое количество людей, животных, насекомых.

АРГЫШ, *Пин*. Санний обоз.

– Русская форма **аргыш** обычно считается заимствованием из тюркских языков, а коми ижемское и печорское **аргыш** 'олений обоз из пяти-семи грузовых нарт' (ССКЗД, 12) возводят то к русскому, то непосредственно к тюркским источникам (подробности см.: Kalima SLR, 2–3, Фасмер I, 84, Лыткин – Гуляев КЭСК, 33). В КЭСК приводится также соображение, что рус. (арх.) **аргыш** может быть заимствовано из коми языка. В условиях длительного взаимовлияния языков такое обратное заимствование в некоторых местах исключить невозможно. Намного большую загадку представляет то обстоятельство, что в полевых записях СТЭ форма **аргыш** единична (*Пин*), а многократно засвидетельствована форма **арьюш**, реже **арюш**, **арьюж** (*Леш, Мез*, т.е. в зоне прямых контактов с ненцами-оленеводами), но в ненецком языке олений обоз обозначается совсем другим словом **мюд**. Остается только предполагать, что местное **арьюш** (и варианты) в какой-то языковой среде возникло из **аргыш** (замена **g > j** довольно распространена) и вернулось в русскую речь в виде локального обратного заимствования, или же сперва было усвоено от коми, а затем возвратилось к русским. Все это пока весьма гипотетично. ▀

АЮКЛА (*Арх*). 1. *Пин*. Муж. и жен. Коренной житель, абориген // **АВЮКЛА**, *Холм*. 2. *Пин*. Бранное слово // **АЮКЛА** **ЛЕШАЧАЯ**, *Пин*.

– Это темное слово фигурирует в словаре Даля (I, 32) с пометой “архангельское” и словаре Подвысоцкого (2) как “кемское” и “кольское”. Подвысоцкий допускает, что оно лопарского и карельского происхождения. Семантика подчеркнута пейоративна: ‘бранное прозвище лопаря или кореляка; уродина, пугало, в которого, впрочем, иные верят как в лешего’ (Даль); ‘воображаемое суеверами пугало вроде лешего (по поверью между лопарями и карелами)’ Этим же словом, в виде ругательства, обзывают русские крестьяне лопарей и карелов, которых, особенно последних, подозревают в сношениях с нечистой силой” (Подвысоцкий).

Семантически может быть связано с фин. *äijä* ‘дед’, ‘старик’, ‘хозяин’, ‘медведь’, которому соответствует эст. *äi*, *vana äijo* ‘черт’, ‘бес’, а также саам. колт. *aije*, Кильдин *aije*, Йоканьга *aije* ‘дед’, ‘дедушка’, ‘старик’ (SKES 1868). Это саамское слово, в частности, сонг. *ласкат. aijek*, служит для обозначения медведя, в некоторых других диалектах оно используется как название медведя в сказках о животных (Itkonen KKLS, 5).

Фонетически, казалось бы, ближе саамские данные, напротив, формант лучше интерпретируется на финской почве (ср., например, фин. отыменной суффикс *-lo*), поэтому окончательное решение впереди.

НАРАКуЙ (*Арх*), *Леш, Мез.* Наст.

НАРАКуЙНЫЙ, *Мез.* Покрытый настом.

< Ненец. *parakko* ‘весенний наст’ (Lehtisalo, 283), ср. *на-ра* ‘время наста’ (Терещенко НРС 285), ‘наст’ (РНС, 147). Ненец. *нарако*, незафиксированное в отечественных словарях, представляет собой производное от *нара*, образованное с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ко*. Этот суффикс часто употребляется в собственных именах и названиях животных. “Здесь мы наблюдаем любопытное пережиточно сохранившееся свидетельство отношения охотничьих племен к диким животным, являющимся предметом их промысла” (Терещенко ОГНЯ 57). Сказанное, видимо, может

относиться и к явлениям неживой природы.

Так как заимствования крайне редко усваиваются русским языком в формах среднего рода (см. об этом: Матвеев ФУЗ, 100), ненецкое слово с финалью **-о** приобретает в русском языке окончание мужского рода на согласный. При этом исход заимствования осмысливается как широко распространенный в севернорусских диалектных лексемах и ономастике суффикс **-уй**. Ср. **МАТуЙ**, **НЕБЛюЙ**.

Этимология подтверждается географией слова (*Леш, Мез*).

– Уже Подвысоцкий (189) указывал на “самоедское” происхождение этого слова, однако без отсылки на определенный источник. Фасмер (III, 43) рассматривает как темное слово. Ненецкая этимология предложена Е.А.Хелимским (Этимологические заметки // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990. С. 39).

НаРВА (*Арх*), *Пин*. Нижняя губчатая часть шляпки гриба // **НаРПА**, **НеРПА**, *Пин*.

< ? Приб.-фин., ср, фин. **naarmu** ‘царапина’, ‘ссадина’, ‘рубец’, ‘шрам’, ливв. **nuarme** ‘то же’, эст. **narmas** ‘волокно’, **narb** ‘бахрома’, лив. **narmaz** ‘бахрома’ (SKES, 363) или фин. **narvi** ‘наружный слой дубленой кожи’, ‘шероховато обработанный поверхностный слой кожи’, ‘тонкая кора’, ‘колея’, ‘выбоина’, ‘углубление’, ‘рубец’, ‘шрам’, ‘штрих’, ‘складка’, ‘морщина’, ‘бугорок’, ‘шишка’ (SKES, 367).

Отсутствие прямых аналогий в семантике и некоторые фонетические различия не позволяют считать сопоставление достаточно надежным. Правда, **п** могло возникнуть уже на русской почве (ср. в местных говорах колебание **нарва** ‘перекладина’, ‘поперечина’ и т.п. – **нарпа**).

Для формы **нерпа** актуально сопоставление с **нерфь** и фин. **närvi** (см. **НеРФЬ**). Ср. также саам. норв. **narve** ‘тонкий поверхностный слой бересты’, Инари **naarva** ‘тонкая пленка между берестой и дубильным слоем’ (SKES, 367).

НаРЬЯ (*Арх*), *Прим*, *Холм*. Заболоченный сенокос в низине или пойме реки.

Безусловно финно-угорское или финно-угро-самодийское слово, возможности толкования которого, однако, разнообразны. Прежде всего надо заметить, что ареал термина первоначально был шире, на это недвусмысленно указывают данные топонимии (*Арх*: *В-Т*, *К-Б*, *Мез*, *Пин*, *Шенк*). В целом ареал охватывает северо-восток Архангельской области (кроме Лешуконского района).

Соблазнительно сопоставить с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. **ного** ‘ложбина’, ‘лощина’, ‘низина’, ‘колея’, ‘выбоина’, ‘промоина’, ‘русло’, ‘сырая впадина’, ‘мокрое место’, ‘небольшой ручей’, карел. **ного** ‘водяное место’, ливв. ‘узкое ущелье между горными кряжами’ Дальнейшие соответствия (со знаком ?) находят в коми, удмуртском, мансийском и ненецком языках (коми и удм. **ñur** ‘болото’, манс. **ñer, ñar** ‘то же’, селькуп. **ñar** ‘то же’) (SKES, 393). Прибалтийско-финская этимология вызывает, однако, сомнения не столько из-за ареала (прибалтийско-финские заимствования иногда имеют на РС очень специфические ареалы вдали от мест современного проживания прибалтийских финнов), сколько из-за фонетических несоответствий: приб-фин. **о**, как правило, передается русскими **о** и **у**, но не **а**. Об отражении аканья (**нарья**) речь идти не может, так как в топонимии неоднократно зафиксирован географический термин в самостоятельном употреблении **Нáрья**, а в лексике **на́рья** (ср. СРНГ 20, 143). Поэтому мансийские и селькупская формы представляют определенный интерес.

Из других возможностей следует указать на мар. **нөрö** ‘сырой’, ‘влажный’ (МРС, 360) и особенно на эрз. **нар** ‘трава’, ‘луг’ (ЭрзРС, 400), мокш. **нар** ‘мелкая стелящаяся трава’ (МокшРС, 175), учитывая, что мордовские формы сравниваются с приведенными ранее прибалтийско-финскими данными (Цыганкин – Мосин ЭКНЭС, 62).

Видимо, специфическое слово из вымершего финно-угорского языка. К усвоению конца лексемы ср. **КуРЬЯ**, аре-

ал которого включает зону распространения **нарья**.

НАЯ (*Арх*), *Леш*. Ячея рыболовной сети.

< ? Ненец. **ня''ав** 'открытая часть чего-л.', 'отверстие', 'дыра' (Терещенко НРС, 363) или **ня'(н)** 'рот' (Терещенко НРС, 362). Фонетически этимология приемлема. Семантическое развитие 'рот' ('отверстие') > 'ячея' могло иметь место еще в ненецком языке. География (*Арх: Леш*) указывает прежде всего на возможность ненецкого заимствования. Тем не менее отсутствие точного семантического соответствия делает этимологию в определенной мере гипотетичной.

НЕБЛюЙ (*Арх*) 1. *Леш, Мез, Прим, Холм*. Олененок трех-четырех месяцев; шкура такого олененка // **НЕВБЛюЙ**, *Мез*.

2. *Леш, Мез*. Мертворожденный олененок; его шкура.

3. *Леш*. Олень в период линьки; шкура оленя в этот период.

НЕВБЛей, *Мез*. Еще не родившийся олененок.

МЕМБЛюЙ, *Леш*. Еще не родившийся или только что родившийся олененок.

НЕБЛюЙНЫЙ 1. *Леш, Мез. Прил. к НЕБЛюЙ* (в 1 знач.).

2. *Леш. Прил. к НЕБЛюЙ* (в 3 знач.).

< Ненец. **няблюй** 'неблюй (осенний теленок)', 'телячья шкура, снятая, примерно, в сентябре, пригодная для малицы' (Терещенко НРС, 336). Слово распространено на севере Архангельской области (*Леш, Мез, Прим, Холм*), т.е. в зоне контактов с ненцами.

На русской почве засвидетельствованы фонетические варианты **невблей**, **невблюй**, **мемблюй**, в которых предупредное **е** закономерно из русского 'а'. Другие фонетические изменения связаны с эпентезой и ассимиляцией в заимствованном слове.

– Подвысоцкий (со ссылкой на Шренка), 100; Фасмер III, 53; Rédei JSLS, 287.

НеГЛА (Арх), В-Т, К-Б. Лиственница // **НеГЛа**, Плес. **Не́ГЛА**, В-Т, К-Б, Нянд, Плес, **Не́ГЛа**, Плес. **МЕГЛа**, Карг, Нянд, Плес. **МЕГЛиНА**, Нянд, Плес. **Ме́ГЛА**, **Ме́ГЛа**, **Ме́ГЛИНА**, Нянд. **МИГЛиНА**, **МИГЛиНИЦА**, **МИГЛИНИЦИНА**, Плес. **МИГЛоВИНА**, Карг. **МЯГЛиНА**, Плес.

НеГАЛЬНИК, К-Б. Лиственничный лес // **МЕГЛИНичНИК**, Плес. **МЕГЛоВНИК**, Карг. **МИГЛИНИЧЕК**, Плес. **МИГЛИННИК**, Нянд. **МИГЛоВНИК**, Карг.

НеГЛОВЫЙ, К-Б. Лиственничный // **Не́ГЛОВЫЙ**, Плес. **МЕГЛоВЫЙ**, Плес. **МИГЛоВЫЙ**, Карг. **МЯГЛоВЫЙ**, Нянд.

НИГо́ЛЬНИК, Плес. Мягкая хвоя сосны.

< Приб.-фин., ср. карел. **niegla**, ливв. **nieglu**, вепс. **negl**, фин. **neula** ‘игла’ (Kalima, 171). География явно связана с современным ареалом лиственницы на РС, деревом довольно редким и распространенным не во всех районах Архангельской области. В Вологодской области слово не засвидетельствовано вообще. В то же время как география, так и фонетика говорят в пользу прибалтийско-финского происхождения слова (благодаря инициальному **н-** < **п-**, **ń-**). Исследователей, однако, не оставляют сомнения в этой этимологии, отсюда попытки связать слово **негла** и его производные, с одной стороны, со славянским материалом, с другой – с уральским корнем ***ńul̥k-** (подробности см. Фасмер III, 56), а также с германскими источниками (SKES, 375). Ближайшая этимология слова, все же, скорее всего прибалтийско-финская, более отдаленные связи предстоит еще установить.

Из частных трудностей следует назвать мену **н-** > **м-** в начальной позиции. Диссимиляция здесь объяснима, если допустить развитие по модели: **негла** > ***неглина** > **меглина** > **мегла**.

– Kalima, 171, Фасмер III, 56, SKES, 375.

НЕМиНЬЯ (Арх), Леш. Самка оленя, не достигшая одного года.

< Ненец., ср. **namna** ‘самец домашнего оленя на втором году’ (Lehtisalo, 281), **намна** ‘лоншак, олень-самец по второму году’ (Терещенко НРС, 284). Ближе к русскому оригиналу по фонетике и семантике форма **ńameanku** (**ńamia**) ‘самка оленя’ (Castrén WSS, 58).

Возможность появления инициального **ń**- подтверждается ненецким **ńämńiku** ‘самец дикого оленя на втором году’ (Lehtisalo, 297). В позиции между мягкими в предударном слоге звук **а** в севернорусских говорах переходит в **е**. В консонантной группе **мн** также на русской почве мог появиться вставной звук **и** (в условиях смежности носовых).

О возможности изменения семантики при заимствовании или употреблении ненецкого слова также для обозначения молодой самки оленя свидетельствует заимствованное из ненецкого хантыйское слово **namna** ‘самка дикого оленя на втором году, которая еще не телилась’ (Steinitz ZSLOu, 438).

НЕРКА (*Арх*), *Холм*. Пушной зверек (норка?).

< Приб.-фин., ср. фин. *диал.* **nirkko** ‘ласка’, **nirkka**, **nirkku**, **nirkki** ‘то же’, карел. **luminirkku** ‘то же’, эст. **nirk**, **nürk** (*диал.*) ‘горноста́й’, ‘ласка’ (SKES, 385). Недостаточно данных для идентификации животного – норка это или ласка? Если норка, то заимствованная форма **нерка** представляет интерес для уточнения этимологии рус. **норка** (подробности см. Фасмер III, 83 с примечаниями Трубачева). Другая проблема в том, что фин. **i** обычно соответствует рус. **и**, хотя имеются факты передачи фин. **i** русск. **е**, о которых упоминает Калима, оставляя их без объяснения (Kalima, 50–51).

НЕРФЬ (*Влг*), *Том*. Мох, растущий на деревьях.

< ? Приб.-фин., ср. фин. **närvi** ‘белое волокно на бересте’, ‘наружная сторона кожи’, ‘пушок на бересте’ Слово считается переднерядной параллельной формой к **narvi** (SKES, 415).

Остается многое, что еще предстоит свести воедино: география (Влг: *Тот*), **ф'** вместо ожидаемого **в'** в исходе. чтс, впрочем, может указывать на вепское происхождение. Главное же – различие в семантике, усугубленное возможной ошибкой собирателя, ср. контекст: *От нерфи частицы как мох* (Тот, Левино).

Ср. **НаРВА**.

НеРЯ (*Арх*), *уменьш.* **НеРЬКА**, *Плес.* Каменистая отмель на реке, озере // **НеРа**, *Холм*.

< Саам., ср. Кильдин **nierr^e**, норв. **njerre** 'мелкое место с сильным течением на реке' (Itkonen KKLS, 296). Есть еще фин. **närä** (диалект Perärohjola) 'перекат или быстрое место в реке', но это слово известно только на Крайнем Севере Финляндии и явно заимствовано из саамского языка (см. SKES, 416). Колетание **р** – **р'** в русском языке возможно связано со смягченностью соответствующих звуков в языке-источнике. Таким образом, есть основания считать это слово заимствованным из древних саамских диалектов северо-западной части РС.

НиДЕГА (*Влг*), *Выт.* Жестяная полоска, скрепляющая части косы // **МиДЕГА**, **МиДЯГА**, *Выт.*

иНЕГА, *Выт.* Гибкий прут, проволока или полоска железа, которой приматывали косу к рукоятке.

< Приб.-фин., ср. **nie**, **nije**, **nive**, ливв. **nive** 'завязка, крепление ручки косы' (SKES, 383), фин. **nide** 'завязка, перевязь' (ФРС, 399), ливв. **nide**, **nive** 'связка, завязка (у к^осы, у веника)' (Макаров СКЯ, 227, 229). Наиболее близка рус. **нидега** финско-ливвиковская форма **nide**. О суффиксе **-ega** см. Kalima, 64, 71–72. О возникновении форм **нидега**, **инегга** и другие подробности см.: Рут М.Э. К этимологии севернорусск. **тярега**, **кярега**, **нидега**, **инегга**, **корегга** // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 66–68. Сложность в том, что география (Влг: *Выт*) решительно свидетельствует в пользу вепского происхождения русского слова, тогда как в вепском языке ожидаемое ***nideg** до сих пор не засвидетель-

СТВОВАНО.

НИЛАС (*Арх*), *Мез*, *Прим*. Тонкий пластинчатый лед, плывущий по реке, морю перед ледоставом // **НИЛАС**, *Прим*. **НИЛАСа**, *мнж.*, *Прим*. **НИЛАСоК**, *уменьш.*, *Мез*. **НИЛОС**, *Мез*, *Прим*, *Холм*. **НИЛОСа**, *мнж.*, *Прим*. **НОЛАС**, *Мез*. **НЫЛАС**, *Мез*. **НЫЛАСа**, *мнж.*, *Прим*. **НЫЛАСоК**, *уменьш.*, *Мез*. **НЫЛОС**, *Мез*. **НЫЛОСоК**, *уменьш.*, *Мез*. **НЫЛОСЬ**, *Прим*.

НИЛАСОВЫЙ, *Прим*. Тонкий, ломкий, мелкими пластинками (о льде на реке, море) // **НИЛОСОВОЙ**, *Прим*.

< ? Саам., ср. **нюлас** 1. 'полоса (часть пространства)'; ...**рыннт вунтас нюлас** 'прибрежная полоса песка', 2. 'полоска (ткани, бумаги и т.п.)' (СРС, 221); саам. Кильдин **ñулас** 'levityskaista (полоса распространения)' (Itkonen KKLS, 915).

При интерпретации этого слова возникают как фонетические, так и семантические проблемы. Фонетическая сложность сводится к передаче в русском слове саамского **и** после мягкого чаще всего русским **и** (но также **о** и **ы**). Хотя отражение **ñ** как рус. **и** при заимствовании изредка встречается (ср. карел. **künži**, фин. **kynsi** – рус. **кинжа** 'вбиваемый в верхний конец топорика гвоздь', см. Kalima, 54), многообразная передача звука языка-источника (**и**, **ы**, **о**) говорит о его значительном своеобразии. В то же время предшествующий согласный в саамском соответствии всегда квалифицируется как мягкий (**ñ**). Очевидно, в местном саамском диалекте **и** после мягкого было сдвинуто вперед и вниз, отсюда и его передача в русском языке то как **и**, то как **ы**. Форма **нолас** единична и может рассматриваться как окказионализм.

С точки зрения семантики характерно, что саамское слово не засвидетельствовано в качестве метеорологического термина, но переход 'полоса', 'полоска' > 'полоска, кусок тонкого льда' закономерен, что и доказывается контекстами, где **нилас** уподоблен стеклам, пластинкам, блинчикам: *Ниласа плавают, как стёкла* (Прим, Лопшеньга), *С моря нилоса несёт, как стёкла те* (Прим, Яреньга), *Нилосом подёрнуло*

реку перед ледоставом, пластинки таки (Прим, Онишево), Нылос несёт такими блинчиками (Мез, Семжа).

Сюда же, видимо, надо отнести и поморское **нилакса** ‘длинные песчаные или скалистые рифы’ (Подвысоцкий, 102), где явно ощущается та же исходная семантика ‘полоса’. При этом финаль **-кса** могла возникнуть при прибалтийско-финском посредстве (см. Kalima, 72–73, Itkonen LLR, 53). География слова (Арх: Мез, Прим, Холм) не противоречит его принадлежности к какому-либо специфическому прибалтийско-финскому или саамскому диалекту РС.

НилЕГА (Влг), *Вым*. 1. Ряска на поверхности воды.

2. Сор, мусор в воде.

< Вепс. **ñila** 1. ‘ил’, ‘слизь’, ‘муть’, 2. ‘слой под корой дерева’ (Зайцева–Муллонен СВЯ, 359), ср. еще вепс. **ñil’ed** ‘скользящий’ (там же). Возможно, этимолом было незасвидетельствованное вепс. ***ñil’eg** (***ñileg**) или заимствование испытало воздействие и подверглось фонетико-морфологической и семантической контаминации со словами **нялега**, **нярега** (см.). География (Влг: *Вым*) подтверждает вепсское происхождение.

Вепсское слово прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. **nila** ‘заболонь’, ‘мезга’, ‘слизь’, ‘сопля’, карел., ливв. **ñila**, люд. **ñila** ‘то же’, вепс. **ñila** ‘лубяной слой’ (SKES, 380–381). Ср. также фин. **nilja** ‘слизь’ = ? к-зыр. **ñil’eg**, **ñil’ig** ‘слизь’, которое сравнивается с фин. **nila** и другими прибалтийско-финскими данными (SKES, 381).

А.И.Туркин (О прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах // СФУ 1974. № 1. С. 7–9) считает вепс. **ñil’ed** заимствованием из пермских языков, ср. коми **нильӧг** ‘скользящий’, ‘слизь’, **нилег** ‘налет, слизистый осадок’. Еще более привлекательна связь с коми словом рус. **нилега**. Против этого, однако, география русского слова (Влг: *Вым*). Сам факт заимствования вепсского слова из коми языка тоже не может считаться доказанным (см. выше дан-

ные SKES, а также Ernits E. Ist weps. *nīl'ed* eine Entlehnung aus der Komi-Sprache ? // СФУ 1975. № 4. С. 242–243).

Нодья (Арх, Влг) 1. Вель, В-Т, Карг, К-Б, Нянд, Пин, Плес, Уст, Холм, Шенк; Гряз, К-Г, М-Реч, Ник, Тарн, У-Куб. Костер устраиваемый в лесу в холодные ночи из двух или трех тлеющих бревен, положенных друг на друга // **НаДья**, К-Б, Уст. **НАДья**, Вин, Карг, Он, Холм; Бел. **Нарья**, Прим. Холм. **НАРья**, Он, Прим. **НоДА**, Уст. **Нодия**, Баб, Ник. **НОДия**, Баб. **Нодь**, Вель, Кон. **НОДья**, Вель, Вил, Вин, В-Т, Карг, Кон, К-Б, Он, Пин, Плес, Холм, Шенк; Вож, Гряз, К-Г, М-Реч. **НойДА**, В-Т, К-Б, Уст. **НОЙда**, В-Т. **НОРья**, Он, Пин, Прим. **НоТА**, Кон; Бел. **НоТВА**, Вож. **НоТКА**, уменьш., М-Реч. **НоТОЙ**, Бел. **НоТЬ**. Вель, Кон; Вож. **НоТЬКА**, уменьш., Карг. **НоТЬЯ**, Кон; Вож, Кир, Ник. **НоТЯ**, Кон; Ник. **Ночь**, Вель; Тот. **Ноя**, Ник. **НОя**, В-Т. **Нудьё**, Пин. 2. Нянд; Ник. Шалаш, сделанный охотником для ночевки. 3. В-Т. Охотничье приспособление – ловушка на медведя. 4. (**НОДья**), Холм. Ящик охотника для переноски продуктов.

< Приб.-фин., ср. фин. **nuotio**, диал. **nuojo**, **nuolio** ‘нодья (долгогорящий костер из двух бревен)’, карел. **nuotivo**, **nuot'ivo**, **nuodivo**, ливв. **nuod'ivo**, вепс. **nod'jo**, **nod'g**, **nod'o**, **nod'j**, **nod'i** ‘то же’ (SKES, 401–402).

Kalima, 172–173, Фасмер III, 80.

Хотя этимология безупречна, большие проблемы создаёт множество вариантов, часть которых усвоена русскими в разное время из различных прибалтийско-финских языков и их диалектов, в том числе, видимо, и вымерших, а часть возникла уже на русской почве вследствие далеко зашедших контаминаций.

Все возможности здесь трудно предусмотреть. Многие формы, однако, легко объясняются из прибалтийско-финских данных: **но́дья** (ср. вепс. **nod'j**, **nod'jo**), **на́дья** (с русским аканьем в **на́дья** и аналогией к **но́дья** – **но́дья** в **на́дья**), **нодия** (ср. вепс. **nod'i**), **нодь** (ср. вепс. **nod'j**), **нудьё** (ср. люд. **nuod'iu**), **но́тья**, **нотя**, **ноть**, **нотька** (ср. фин. **nuotio**, где **uo** <

***ō**), **нотва** (ср. карел. **nuotivo**). При этом следует заметить, что соответствующие прибалтийско-финские параллели совсем не обязательно указывают на то, что заимствование было произведено из данного языка (диалекта).

Другие случаи более специфичны, например, формы с твердым т, д (**но́та**, **но́тка**, **но́да**). Здесь можно предполагать различные пути развития на русской почве, например, **но́дья** > **но́дка** > **но́да**, **но́тья** > **но́тка** > **но́та** (ср. **ло́дья** – **ло́дка**) или особенности языка заимствования. Однако в целом эти варианты не создают особых проблем, как и **ночь** (< ***notʃš**, **notʃša** вследствие возможной аффрикатизации мягкого **tʃ**).

Действительную сложность представляют несколько особых случаев, а именно **ноя**, **нойда** и **норья** (**нарья**).

Вариант **ноя** безусловно близок формам **ной**, **нойка**, которые приводят Kalima (173) и Фасмер (III, 81), отделяя их, однако, от **но́дья**. Между тем, все они легко увязываются с фин. *диал.* **puojo** (SKES, 401). География дает в этом случае юго-восток региона (*Арх: В-Т; Влг: Ник*), но это не должно удивлять: еще южнее (*Костр.*) О.В.Востриков отмечает такие варианты, как **но́ть**, **но́ти**, **но́тьва**, **но́тья**, специально подчеркивая их близость к финскому языку (Востриков, 31–32).

Несколько севернее на востоке региона отмечены и лексемы **но́йда**, **но́йда́** (*Арх: В-Т, К-Б, Усм*). Возможно, в их основе перестановка согласных, которая произошла еще в языке-источнике или в русском языке. Нельзя отрывать эти слова и от смежной формы **ноя**.

Наконец, замечательна своим консонантизмом вариация **но́рья** (**на́рья**), характерная для крайнего севера региона (*Арх: Мез, Он, Прим, Холм*).

Хотя прямых аналогий в прибалтийско-финских языках нет, следует привести фин. *диал.* **nuolio** (SKES, 401), позволяющее предположить и возможность развития другого плавного в форме ***nuorio**, тем самым этот интересный вариант не отрывается от других слов с рассматриваемой основой.

В семантическом отношении факты достаточно едины.

Отдельные инновации или закономерны ('шалаш, сделанный охотником для ночевки') или скорее всего окказиональны ('ящик охотника для переноски продуктов', 'ловушка на медведя').

Слово из русского языка проникло в саамский (Itkonen KKLS, 284), а также в коми, марийский, мансийский (SKES, 402) и с правом может быть отнесено к северному культурному фонду.

НоРСА (*Арх*), чаще *множ.* **НоРСЫ**, *Вил, Вин, В-Т, К-Б, Лен, Плес, Уст, Холм, Шенк*. Крепление охотничьих лыж, сделанное из кожи, брезента или гибкой ветки // **НаРСА**, *Лен*. **НёРСА**, чаще *множ.* **НёРСЫ**, *Вин*. **НоЗРИ**, *множ.*, *Вил*. **НоРТЫ**, *множ.*, *Вил*. **НоРЦЫ**, *множ.*, *Лен*.

< Коми **нõрыс** 'шнурки, связки для ног (на лыжах)' (ССКЗД, 16, 246), **лызь-нõрыс** 'петля на лыжах' (Fokos-Fuchs SW, 654). В КЭСК этого слова нет, но многое проясняется, если обратиться к диалектам коми языка. Во-первых, лузскому и летскому **нõрыс** соответствует вымское **бадь** и удорское (Глотова) **байдь**, имеющие то же значение 'шнурки, связки для ног (на лыжах)' (ССКЗД, 16); во-вторых, в коми диалектах у этого слова есть омоним **бадь** (удорское **байдь**) со значением 'ива', 'верба', а также 'куст', 'кустарник' (ССКЗД, 16). Поэтому логично предположить, что коми **нõрыс** 'шнурки, связки для ног (на лыжах)' – также семантическая деривация от утраченного значения – ***нõрыс** 'куст', 'кустарник', так как лыжное крепление могло делаться из подручного материала – ветвей кустарников, что было широко распространено в прошлом у лесных народов, занимающихся зимней охотой¹⁰ Эту реконструкцию позволяют построить такие значения ныне существующего слова **нõрыс**,

¹⁰ Ср. у писателя XIX в. П.В.Засодимского в очерке о зырянском крае: "Из ивовой и березовой коры вяжутся очень крепкие веревки, которые здесь повсюду в ходу – при упряжке, на перевозах и т.д." (Лесное царство // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1983. С. 168).

как ‘возвышенность в лесу, на которой растут деревья’ (Fokos-Fuchs SW, 653), ‘маленькая возвышенность в лесу’ (Wichmann-Uotila SW, 169).

Коми **бадь, байдь**, имеющие коррелятивные значения ‘ива’ и ‘шнурки, связки для ног (на лыжах)’, явно подтверждают эту версию. В то же время и русские говоры свидетельствуют, что слово **норса** первоначально имело значение ‘кольцо из виц’, ср.: *Норса только делалась из вицы, а юкса из какого-то другого материала; а раньше у стариков дак не было кожи: из виц делали, коли надо норсы сделать.*

Когда крепления из виц (“виченья”) стали выходить из употребления, слово **норса** стало обозначать лыжное кольцо вообще и вступило в сложные семантические отношения с синонимичным словом **юкса** (см.), зависящие от конкретных экстралингвистических обстоятельств (виды крепления).

Ареал слова **норса** примечателен: от крайнего юго-востока Архангельской обл., где был непосредственный контакт с коми (*Вил, Лен, К-Б, В-Т*), через центральные районы (*Уст, Шенк, Вин, Холм*) до запада (*Плес*), но относительно узкой полосой. Это редкий пример столь широкого распространения коми слова в западном направлении, что, впрочем, находит объяснение в его принадлежности к охотничьей лексике. Возникает вопрос, однако, не указывает ли этот ареал на зону хозяйственных интересов охотников-коми, проникавших в старину в северные районы Двинской земли.

Усвоение конца слова происходит по достаточно обычной модели (см. Kalima SLR, 25, 27, 50, ср. коми **кёртым** – рус. **кортома**, коми **кулём** – рус. **кулёма**, ср. также коми **шутьём** и рус. **шутём, шутьма**) с той лишь особенностью, что при наличии ударения на первом слоге **ы** между длительными выпало (***норыса** > **норса**). О передаче коми **ё** русским **о** см. Kalima SLR, 12, Лыткин ФСВГ, 157–199.

Есть ряд единичных фиксаций (**нарса, нёрса, нозри, норты, норцы**), среди которых могут быть и ошибки в записи (**нарса**) и разного рода окказионализмы от совершенно ошибочных форм, связанных с плохим знанием материала (**нозри**)

до контактиаций с другими словами, например, **нарта**, **норта** (**норты**).

Иначе у А.И.Туркина: коми **нӧрыс** ‘шнурки, связки для ног (на лыжах)’ < фин. **puoga**, вепс. **por** ‘веревка’ (Карело-вепсские заимствования в коми языке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 10–15.8.1995. Pars II: Summaria akroasium in sektionibus et symposiis factarum. Jyväskylä, 1995. S. 152)

НоРТА (*Арх.*), *Вил*, *В-Т*. Выдолбленные из колоды сани с полозьями, установленными на ширину лыжного следа, предназначенные для перевозки продуктов и охотничьей добычи // **НоРТЫ**, *мн.ж.*, *Вил*. **НоРСА**, *В-Т*.

< Коми **норт** ‘нарта’ (ССКЗД, 245), имеющее соответствия в других финно-угорских языках, ср. удм. **нурт**, морд. **нурдо** ‘сани’ (Лыткин–Гуляев КЭСК, 194). География (*Арх.*: *Вил*, *В-Т*) подтверждает этимологию. Форма **ноrsa**, видимо, возникла под влиянием **НоРСА** ‘крепление охотничьих лыж’ (см.). Вопрос об отношении финно-угорских слов к рус. **нарта** очень сложен, см. Фасмер III, 45–46.

НырГАТЬ (*Арх*, *Влг*) 1. *Вож*. Мычать // **МыРГАТЬ**, *Карг*, *Кон*, *Плес*; *Ваш*, *Вож*. **МыРКАТЬ**, *Кир*, *Тарн*, *У-Куб*, *Хар*. **МыРЧаТЬ**, *Нянд*; *Бел*, *Вож*, *Кад*, *Кир*, *Сямж*, *Хар*, *Череп*. 2. *Кон*. Говорить в нос. 3. (**МыРГАТЬ**), *Кир*. Подзывать корову.

ЗАМыРГАТЬ 1. *Карг*. Замычать // **ЗАМыРКАТЬ**, *Тарн*. 2. *Карг*. Быстро и грубо заговорить.

НырГун, *Кон*. Человек, который говорит в нос.

– Звукоизобразительный глагол, имеющий прямое соответствие в коми **ниргыны** ‘негромко мычать (о корове)’ (ССКЗД, 108), для которого находятся более или менее убедительные параллели в других финно-угорских языках (Лыткин–Гуляев КЭСК, 92). В фонетическом и семантическом планах этимология безупречна, однако география заставляет учитывать возможность возникновения лексемы из

прибалтийско-финских источников (см. **НюРГАТЬ**, а также **НюГАНДАТЬ**).

Переход **н** > **м** в начале слова является достаточно частым в севернорусских диалектах, см. **НеГЛА**, **НиДЕГА**. В данном случае также вероятна контаминация с рус. **мычать**.

НюВА (*Арх*), *Нянд*. Протока, старица реки.

< Саам., ср. южн. **ŋiŋv̥ie**, Луле **njavve**, норв. **njâvve**, Инари **njave** ‘место с быстрым течением в реке или ручье’, ср. также фин. **niva** ‘небольшой порог’, ‘место с быстрым течением в реке’, **nivo** ‘спокойно текущий плес в ручье’ (SKES, 387). Фин. **niva** через севернокарельские диалекты проникло в русские говоры Кольского полуострова в форме **нива** (SKES, 387), правда Калима задается вопросом, был ли финский язык источником заимствования (Kalima, 172). Однако Лённрот приводит для слова **niva** значение ‘узкий, густой порослью покрытый ручей’, к которому примыкают и данные диалектов финской Карелии: **niva** ‘канавы’, ‘ручей’, **nivo** ‘канавы, прорытая между озерком и озером’, **nivanne** ‘находящееся на естественном лугу, ивой и т.п. поросшее место’ (SKES, 387). Все эти семантические факты ясно указывают на богатство значений слова и возможность появления значения ‘старица’ в одном из наречий заволочских саамов. Что касается вокализма первого слога (’у), то южно-саамская форма свидетельствуют о возможности такой же эволюции в вымерших саамских диалектах Заволочья.

География в данном случае увязывается с топонимическим материалом: в районе Мошинского озера много саамской микропонимии.

НюГАНДАТЬ (*Влг*), *Вым*. 1. Говорить в нос, гнусавить. 2. Плакать, хныкать. 3. Быть молчаливым, не отвечать на обращение. 4. Медленно идти.

НюГАЙДА, *Вым*. Ворчливый, придиричивый человек.

НюГАНДА, *Вым*. Гнусавящий, говорящий в нос человек // **НЮГАНДУШКА**, *Вым*.

НюГАЧА, *Вым.* 1. Гнусавящий, говорящий в нос человек. 2. Молчаливый, тихий человек.

НИГУНДун, *Ваш.* Бормочущий человек.

ЗАНюГАНДАТЬ, *Вым.* 1. Начать гнусавить. 2. Заговорить нудно, надоедливо.

ЗАНюГАНДАТЬСЯ, *Вым.* Начать плакать, хныкать.

– Калима (173) и Фасмер (III, 92) возводят синонимичные глаголы **нюгандать** и **нюгайдать** к карел. **nühistä**, фин. **nyhistä** ‘фыркать’, ‘говорить в нос’, при этом колебания в суффиксах Калима объясняет тем, что оба суффикса были заимствованы русским языком и поэтому могут заменять друг друга (76, 173–174). Об этом явлении см. также Азарх, 203–209, Дубровина–Герд, 243–247, Сало, 10.

Иначе Погодин (ССЗФЯ, 6), считающий глаголы на **-айдать** вепскими по происхождению, на **-андать** – карельскими. Для **нюгайдать** действительно находим точное в звуковом отношении и близкое семантическое соответствие в вепском языке – **nühaida**, **nüheida** ‘нюхать’, ‘обнюхивать’ (Зайцева–Муллонен СВЯ, 369), однако в целом другие исследователи занимают более убедительную позицию. Предположение о том, что вепское слово восходит к русскому **нюхать** (Дубровина–Герд, 246), нуждается в дополнительной аргументации.

Форма **нигундун** возникла из ***нюгундун** < ***нюгандун**, производного по типу **бормотун**, **ворчун** от глагола **нюгандать**. Изменения вокализма связаны с переносом ударения на последний слог и ассимиляцией (а > у в позиции перед у).

НюК (*Арх*), *Леш*, *Мез*. Сшитые вместе олениш шкуры, которыми обтягивались поставленные конусом жерди при постройке чума.

ПОДНюЧНИЦА, *Мез*. Пол в чуме.

< Хант. **nōki**, **nuki** ‘покрышка чума, сшитая из оленьих шкур’ (Steinitz OLR, 507–508). Фасмер (III, 92) менее точно: возможно, из ханты **nuk** ‘кожа’. Слово могло проникнуть на северо-восток РС (*Арх*: *Леш*, *Мез*) из русских печорских го-

воров, где оно также засвидетельствовано (Ивашко, 96), скорее всего через коми-ижемских оленеводов, в диалекте которых оно фигурирует в той же форме **нюк** и с тем же значением (ССКЗД, 252). Хантыйские оленеводы пасут оленей на крайнем севере Урала, где они и могли контактировать с коми-ижемцами.

НюКСА (*Арх*), чаще *множ.* **НюКСЫ**, *Вель.* Кожаный ремешок – крепление охотничьих лыж // **НоКСА**, *Леш.*

– Безусловно нельзя отделять от **юКСА** (см.), которое связывают с саам. **juksa** ‘ремень’ (Фасмер IV, 529). Проблема в инициальном **н-**. Этот звук мог возникнуть вместо **ј** уже в русской речи, например под влиянием другого слова с этим же значением – **НоРСА** (см.), распространенного на смежной территории (*Арх:* *Уст, Шенк*): охотники часто владеют терминологией соседей. Если же **н-** восходит к языку оригинала, то возникают еще более трудные проблемы, ср., однако, фин. **joutsen** при саам. **njuk'ča** ‘лебедь’, что наводит на мысль о специфике какого-то саамского диалекта, некогда существовавшего на территории РС.

Форма **нокса** в силу единичности факта скорее всего является ошибочной записью или окказиональным образованием под влиянием **НоРСА** (см.).

НюРГАТЬ (*Арх, Влг*) 1. *Карг.* Говорить в нос. 2. *Кир.* Говорить непонятно, под нос // **НЮРГаТЬ**, *Кир.*

НЮРГун 1. *Карг.* Человек, говорящий в нос. 2. *Кир.* Невнятно говорящий человек // **НЮРГАЛА**, *Кир.*

– Звукоизобразительный глагол, имеющий прямое соответствие в коми **нюргыны** ‘негромко мычать (о корове)’ (ССКЗД, 108). Ср. также коми **нйргыны** ‘то же’ (ССКЗД, 108) и рус. диал. **НыРГАТЬ** ‘мычать’, ‘говорить в нос’ (см.). Однако оба глагола (**нюргать** и **ныргать**) зафиксированы на западе региона (*Арх:* *Карг, Кон; Влг:* *Вож, Кир*), поэтому невозможно оставить без внимания такие прибалтийско-финские слова, как фин. **nurkua** ‘роптать’, ‘ворчать’, карел.

ńurkuo ‘урчать, бурчать (в животе)’, **ńurguo** ‘выпрашивать’, ‘клянчить’, ‘канючить’, ‘ныть’, вепс. **ńurkta** ‘надоедать, досаждать выпрашиванием, выклянчиванием’, эст. **nurgutada** ‘лаять’, ‘тявкать’, ‘ругать’, которые также рассматриваются как ономатопозитические слова (SKES, 403). Ср. еще вепс. **ńurkta** ‘хныкать’ (Зайцева–Муллонен СВЯ, 370). В настоящее время все эти слова явно стали достоянием общесеверного прибалтийско-финско-коми-русского экспрессивного фонда, к которому, возможно, относится также саам. **njurgot** ‘визжать’, ‘свистеть’ (см. SKES, 403). Ср. еще **НюГАНДАТЬ**.

НюРКА (*Арх*), *Прим*. Небольшая протока.

< Саам., ср. Патсйоки **ńuorra**^a, норв. **njuorra** ‘подводный камень’, ‘мель’, ‘отмель’, ‘банка’ (Itkonen KKLS, 309).

Рус. **нюрка** ‘небольшая протока’ образовано при помощи суффикса **-ка** от слова **нюра**, засвидетельствованного в русских карельских говорах (Даль П, 563, Опыт, 131, Подвысоцкий, 104, Куликовский, 66) с первоначальным значением ‘подводная мель’ и последующим метонимическим переносом ‘мель’ > ‘протока между мелями’ География (*Арх: Прим*) подтверждает этимологию.

– Шёгрэн, 165, Kalima SLR ,8, Itkonen LLR, 55, Фасмер III, 92–93.

НюЧЬ (*Арх*) 1. *Вель, Кон*. Мелкая речная рыбка // **НюСЬ, НюТЬ, Вель. НюЧИК**, *уменьш.*, *Вель*. 2. *Вель*, Медлительный человек, тихоня.

< ? Приб. - фин., ср. фин. **nysä** ‘короткий изношенный нож, трубка, топор’, ‘обрубок’, ‘кусок’, ‘обрезок’, ‘обрывок’, ‘кончик’, карел. **nüt’sä, nüt’t’sä** ‘кончик (трубки, ножа, топора)’, ‘маленький тупой или укороченный предмет’, ‘маленькое существо’, ливв. **nüt’t’sü** ‘обрубок’, ‘кончик’, ‘роговой нарост’, ‘тупой (инструмент)’, люд. **nüt’s, nüt’t’sē** ‘комель’, ‘корень’, ‘обломок’, ‘обрубок’, ‘остаток (рога, снопа, веника)’ (SKES, 408–409).

С фонетической стороны наиболее важно люд. *hüt'sš*, точно соответствующее русскому слову, семантически – значение карельской лексемы ‘маленькое существо’. В контекстах часто подчеркивается маленький размер этой рыбки как ее самая существенная черта: *нючь маленькая, она наподобие налима; нючь така малюсенька, она бежит всё по ручейкам и под камешками прячется; порато такие нючики маленькие*. География (Арх: Вель, Кон) подтверждает версию о прибалтийско-финском (карельско-людиковском?) происхождении этого слова.

Этимология предложена О.А.Кожеватовой.

НяВ (Влг), *Ваш*. Слизь на чешуе свежей рыбы // **НяВА**, *Ваш*.

◊ **НяВА НяВОЙ**, *Ваш*. О прогнившем сене, ботве.

< Вепс., см. **НяЛЯГА**. Для форм **няв**, **нява** наиболее актуально вепс. *ñöug* при более обычном вокализме *ä* (*näleg*, *ñälä* и т.п.), что позволяет восстановить исходное **ñäug*. При этом приходится допустить, что в русском языке **нявг* упростилось в **няв** с последующим обычным развитием параллельной формы: **няв** > **нява**.

Ввиду фиксации в зоне саамских диалектов Белозерья (Влг: *Ваш*) нельзя совершенно исключить, однако, и саамское участие, ср. саам. швед. *niaule* при норв. *njiw'le*, Кильдин *ñiñle* с тем же значением (Itkonen KKLS, 303).

НяВАНДАТЬ (Влг), *Выт*. Мяукать.

< Приб.-фин. Калима (174) относит этот глагол к однокоренным с **НяВГАТЬ** (см.), сопоставляя его как с карел. *ñauguo*, фин. *naukua* и т.п. ‘мяукать’, так и особо с карел. *ñavajau* ‘то же’. Фасмер также относит к гнезду **нявгать** (III, 93).

О глагольном форманте **-андать** и его соотношении с другими суффиксами в севернорусских говорах см. Kalima, 76, Сало, 10, Азарх, 203–209.

НЯВЧА (*Арх*), *Леш*. Отелившаяся годовалая олениха // **НЕЛЬЧЕЙКА**, *Леш*.

< Ненец. **нявца** ‘отелившаяся годовалая важенка’ (Терещенко НРС, 337). О **ц** > **ч** см. **АЙБаРЧА**. Вариант **нельчейка** отражает закономерный для севернорусских говоров переход **а** между мягкими согласными в **е** в первом предупредном слоге. В исходе слова здесь появился русский суффикс **-ейка**, возможно благодаря тому, что и под ударением между мягкими севернорусское **а** обычно переходит в **е**. Что касается **л** вместо **в**, то оно, видимо, представляет собой результат индивидуального произношения или неточной записи.

Этимология подтверждается географией слова (*Арх: Леш, Мез*).

НЯДА (*Арх*), *Мез*. Ягель – лишайник, служащий кормом для оленей.

< Ненец. **няда** ‘ягель’ (Терещенко НРС, 337). Этимология подтверждается географией слова (*Арх: Мез*).

НЯЛЕГА (*Влг*), *Выт*. 1. Ряска на поверхности воды. 2. Трава-мокрица.

< Вепс. **näleg** ‘слизь’, ‘тина’, ср. вепс. **ñäl’o**, **ñäl’om**, **ñäl’ä**, **ñäum**, **ñöug** ‘то же’ (Зайцева–Муллонен СВЯ, 872).

География (*Влг: Выт*) подтверждает вепсское происхождение. На русской почве произошло приспособление слова к существительным женского рода на **-а**. Этому способствовало наличие в севернорусских говорах многочисленных заимствований с исходом **-га** (**вадега**, **нярега** и т.п.)

Вепсское слово прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. **näljä**, **nälä**, ливв. **ñälä**, вепс. **ñäl’e**, *род.п.* **ñäl’egen** ‘слизь’ (SKES, 412).

НЯРА (*Арх*), *Нянд*. 1. икра, слизь, лягушка. 2. Тина, грязь на озере, реке, болоте. 3. Топкое илистое место на берегу реки.

< ? Вепс., см. **НяРЯГА**. География необычна для вепсских заимствований (*Арх: Нянд*), поэтому не исключено, что это слово восходит к какому-либо вымершему прибалтийско-финскому наречию.

НяРАНДАТЬ (*Влг*), *Вым.* Мяукать.

< Приб.-фин., ср.фин. *näristä* ‘брюзжать’, карел. *näriissä* ‘брюзжать’, ‘плакаться’, ‘ныть’, ‘выговаривать’, ‘пилить кого-либо’, ливв. *näristä, narištä* ‘то же’, эст. *näriseda* ‘ворчать (особенно о собаках и кошках)’ (SKES, 415). Возможно семантическое воздействие со стороны глагола **НяВАНДАТЬ** ‘мяукать’ (см.). О глагольном суффиксе **-андать** и его аналогах в северорусских говорах см. Kalima, 76, Сало, 10, Азарх, 203–209.

НяРГАТЬ (*Арх*), *Карг.* Говорить лишнее, болтать.

– Ономатопозитический глагол, соответствия которому обнаруживаются в коми языке, ср. **няргыны** ‘хныкать’, ‘жаловаться’ (ССКЗД, 255), а также в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *närkästyä*, карел. *närkäštüö* ‘раздражаться’, ‘сердиться’, ‘досаждать’ (SKES, 415). Изменения в семантике закономерны. География (*Арх: Карг*) в пользу прибалтийско-финского происхождения, хотя вообще принадлежит к общему севернорусско-прибалтийско-финско-коми экспресивному фонду.

НяРЕГА (*Влг*), *Вым.* 1. Ряска на поверхности воды. 2. Трава-мокрица. 3. Плохое, негодное зерно. 4. Снег на ветках деревьев.

< Вепс., ср. *närak* ‘сырой’, ‘влажный’, *näre/hiin* ‘мокрица (растение)’ (Зайцева–Муллонен СВЯ, 373).

География (*Влг: Вым*) подтверждает вепсское происхождение. Семантика и исход слова сформировались во взаимодействии с другими близкими по звучанию и значению заимствованиями из вепсского языка (**нилега**, **нялега**).

Вепсские слова на прибалтийско-финском уровне пока

этимологически не разработаны, однако их финно-угорское происхождение несомненно, ср. мар. **нөрө** 'сырой', 'влажный' (МРС, 360), удм. **нюр** 'влажный', 'сырой' (УРС, 310) и т.п.

НяРЦа (*Арх*), *Мез*. Мох-сфагнум, растущий на тундровых болотах.

< Ненец. **нярцо** 'исландский мох (светлый)' (Терещенко НРС, 359), 'мох (белый)' (РНС, 135), **nar t'so** 'светложелтый болотный мох, который кладут в люльку (исландский мох?)' (Lehtisalo, 306). В русском языке исход слова оформлен по женскому роду на **-а**. География (*Арх: Мез*) подтверждает этимологию слова.

Этимология установлена О.А.Кожеватовой.

НяТ (*Арх*) 1. *Мез, Пин*. Черный вязкий ил на реке, озере, болоте. 2. *Мез, Пин*. Топь, топкое место на дне озера. 3. *Холм*. Низкий прибрежный луг.

< Коми **няйт, нять, неть** 'грязь' (ССКЗД, 254). География (*Арх: Мез, Пин, Холм*) подтверждает эту этимологию. Тем не менее надо еще учитывать фин. **naatta, natta, nata, näättä** 'слизь', 'ил', 'тина', 'грязь', вод. **natta**, эст. **natt** 'сопли' с проблематичными соответствиями в саамском, коми и ненецком языках (SKES, 363).

НяЧА (*Арх*) 1. *Леш*. Ил, тина. 2. *Леш, Пин*. Жидкая, вязкая грязь.

< Коми **нятша** 'мокрица (растение)', 'пожни на мшистой местности', 'сор, плывущий по реке', 'муть', 'отстой' (ССКЗД, 255), ср. удм. **нятш турун**, к-язв. **н'ача** 'мокрица (растение)' (Лыткин-Гуляев КЭСК, 202), или приб-фин., ср. фин. **nätsä**, карел., ливв. **nä d'žä, nä d'žä**, люд. **nä d'žä**, вепс. **näža** 'мокрица (растение)' (SKES, 416), ср. также вепс. **nädžä** 'то же' (Зайцева-Муллонен СВЯ, 371).

География (*Арх: Леш, Пин*) свидетельствует в пользу происхождения заимствования из коми языка (Погодин ССЗФЯ, 46, Матвеев ЗПЯ, 300). Семантика русского, а воз-

можно и коми слова могла испытать влияние со стороны рус. **НяША** (см.). В то же время олон. **няча** ‘трава, растущая подле дорог’ (Куликовский, 67) считается заимствованием из прибалтийско-финских источников (Kalima, 175, ср. Фасмер III, 95, SKES, 416, где предполагается карельско-ливвиковское происхождение этого слова).

Соотношение прибалтийско-финского и пермского слов до сих пор не установлено. Несомненно, однако, что вместе с соответствующим русским словом **няча** они образуют единый обширный ареал, в котором происходили интенсивные контаминационные процессы с близким по звучанию и значению словом **НяША** (см.).